

Дружеский журнал В. Галльба

На репетиции «Платона Кречета» в Гос. театре драмы. Заслуженный деятель искусств Б. М. Сушкевич и артист Н. К. Вальяно.

ЧЕРНОВИК СПЕКТАКЛЯ

Театр госдрамы в дневные часы живет особой жизнью. Уже с утра покой театрального фойе нарушается разговорами актеров, оркестрантов, технических работников сцены. Через несколько минут оживленная толпа разбивается на группы и приступает к работе. В фойе бельэтажа режиссер Дудкин репетирует «Женитьбу Фигаро», в другом — репетирует «Глухую провинцию» режиссер Соколовский, в третьем — учебная группа работает над «Бесприданницей».

Но нерв работы — на сцене. Там стучат молотки, устанавливается станок декораций, технический персонал сцены, помогающий актерам, старается создать подобие настоящей обстановки спектакля, осветители налаживают свет, оркестранты настраивают инструменты, танцовщицы готовят «дождь и гром». В среднем проходе зрительного зала — традиционный столик постановщика.

Идет подготовка к третьей картине спектакля «Платон Кречет».

Перед началом репетиций постановщик спектакля Б. М. Сушкевич дает последние указания рабочим сцены.

Технический график разработан. Короткий обмен мнениями с актерами. Все на местах. Говят:

— Начали

Возмущенно бегает из угла в угол актеры Кабатченко и Вибнова. Это — по пьесе — молодые врач Степа и Валя, возмущенные травлей своего талантливого собрата хирурга Кречета. Кстати, на всех репетициях артист Кабатченко, когда справляется по телефону с Кречетом, путает номер телефона. Вот и сейчас артист опять напутал. Он чуть-чуть омонфужен, но течение картины не прерывается. Действие разворачивается, идет гневное объяснение врачей с виновным врачом Кречетом — заз. больницей Аркадем.

Наступает центральный момент картины — разговор Кречета с черепом. Это самое трудное место. Монолог написан белыми стихами и звучит непривычно: «Кто право дал тебе сквозь ночь веков, закрытых нами навсегда, прогнать в наш день свою улыбку? Кто право дал тебе до времени мурлыкать своим дыханьем человека? Тебя я любил на борьбу. Сегодня победила ты

жестоко. А завтра кто победит? Кто? Ты? Или я?». Артист Вальяно делает все возможное, чтобы сцена не звучала фальшиво. В состоянии аффекта бросает он слова в зрительный зал. Через играет вспомогательную роль. Сцена выравнивается.

Артист Вальяно, готовясь к работе над Кречетом, присутствовал на четырех сложных операциях профессоров Дзаниелидзе и Буша. Он наблюдал талантливых хирургов до и во время операции. Он наблюдал движения их рук. В репетируемой сцене Вальяно, зная, что он поедет на операцию, ждет, пока успокоятся руки. Все внимание артиста сосредоточено на руках. Он массирует пальцы, складывает их, сжимает в кулак, проделывает десятки упражнений. Напряжение сцены доходит до максимума. Кречет отказывается ехать в больницу до последней минуты, но эта та минута, когда Кречет почувствовал, что полностью владеет своими руками. Тогда срывается он с места и бросается в машину.

Центр тяжести четвертой картины — напряженное ожидание результатов операции. И здесь главное место занимает скромная санитарка Христина Архипова. Играет ее нар. арт. Е. П. Корчагина-Александровская.

С первых же слов бесхитростного рассказа с огромной силой проступает мастерство актрисы. Вы переноситесь в 1919 год, вы ясно видите налет и отступление белых, сбывшую во время налета «сюсю медичину». Вы верите в то, что скромная санитарка с помощью нескольких красноармейцев сделала операцию раненому комиссару.

После репетиции актеры собираются вокруг постановщика.

— Как у меня получилось? — тревожно спрашивает Е. П. Корчагина-Александровская.

Обмениваются мнениями Жуковский и Кабатченко.

Подводит итоги сегодняшней работы Б. М. Сушкевич.

На сцене плотники разбирают стасок. Участники репетиции уже можно видеть в фойе, за партией в шахматы и домино.

Завтра очередная репетиция.

Д. ТАСИМ